

История русско-китайских отношений уходит далеко в глубь времен, им посвящено немало работ, вышедших в нашей стране. Формирование и обустройство границы являются важнейшими вопросами во взаимоотношениях двух соседствующих государств. Публикация исследований на эту тему даст возможность прояснить важные детали, характеризующие конкретную историческую ситуацию, когда в течение длительного времени устанавливалась и уточнялась граница между Россией и Китаем. Эта тема и в настоящее время имеет особое значение, хотя пограничной проблемы двух стран больше не существует.

Правовой базой формирования русско-китайской границы послужили межгосударственные договоры, соглашения, договорные акты и приложения к ним. Что касается договоров, то надо отметить, что они, помимо территориальных постановлений, включают в себя постановления о торговле, дипломатической переписке, нарушителях границы и многие другие.

Мы будем изучать договоры сквозь призму истории формирования восточной линии русско-китайской границы. Ныне это участок границы между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, протянувшийся на четыре тысячи триста семьдесят пять километров. За рамками статьи оставлены итоги демаркации границы на рубеже XIX–XX веков.

Первые официальные контакты между Россией и Китаем датируются началом XVII века, но формирование границы началось позже, к концу века. В октябре 1644 года армиями маньчжуров из юго-восточной части Маньчжурии, вторгшимися в Китай и захватившими его, была основана династия Цин. Северная граница цинских владений тогда проходила в глубинных районах Маньчжурии по так называемому Ивовому палисаду, отстоявшему от Амура почти на тысячу километров. Земли к северу от Ивового палисада считались внешними территориями, находящимися за границей.

Цинское правительство, проводившее захватническую политику не только в отношении китайского народа, но и соседних народов и государств, стремилось оградить свою колыбель — Маньчжурию, а также и завоеванный ими Китай зоной малонаселенных, полуассальных территорий. Поэтому вопрос об изгнании русских из Приамурья являлся для цинского правительства очень важным. Первые попытки вытеснить их оттуда были предприняты маньчжурами в пятидесятых —

семидесяти годах XVII века. Однако они закончились неудачно. Неудачи объяснялись тем, что в то время военные силы были отвлечены на борьбу с развернувшимся в стране сопротивлением китайцев захватчикам-маньчжурам.

В последней трети XVII века, после подавления китайского сопротивления, цинский император Сюанье вновь начал активизировать свою политику в отношении Приамурья с целью осуществления военных акций против русских поселений на Амуре. Он провел ряд административных, хозяйственных и военных мероприятий по укреплению северных опорных пунктов, а также по захвату и укреплению ранее не принадлежавших маньчжурам районов, граничащих с Приамурьем. С 1684 года цинские власти образуют на этой территории Хэйлунцзянскую провинцию — плацдарм для дальнейшей экспансии на север.

Завершив эти мероприятия в 1685 году, маньчжурское войско осадило русский форпост на Амуре — Албазин. Его население было вынуждено покинуть город. Однако осенью того же года, получив подкрепление, русские возвратились и восстановили разоренный город. В следующем году цинское войско вновь осадило Албазин, но летом 1687-го император приказал снять осаду, узнав, что из России в Китай отправлено «великое и полномочное» посольство во главе с Ф. А. Головиным для переговоров о заключении мира и развитии торговли.

Русское правительство, получив известие о событиях под Албазином, приняло решение о мирном урегулировании конфликта пусть даже ценой территориальных уступок. Такое решение было продиктовано важными внешнеполитическими обстоятельствами (борьба с Крымским ханством, Турцией и Швецией), не позволявшими выделить достаточное количество военных сил и ресурсов для защиты русских владений в далеком Приамурье. В 1689 году был подписан Нерчинский договор.

После подписания и обмена экземплярами Нерчинского договора послы обеих сторон дали клятву, что договор будет нерушимо соблюдаться.

Согласно ст. 1 латинского (основного) текста Нерчинского договора, граница между двумя империями устанавливалась по реке Горбице, расположенной близ реки Черной (или Урум), впадающей в Амур. От верховьев Горбицы граница определялась по вершинам гор до моря. Территория, находящаяся между рекой Удой и горами, указанными в качестве рубежа, оставалась неразграниченной и фактически превратилась в буферную зону.

Согласно той же статье граница по Аргуни устанавливалась «так, что все земли, которые с южной стороны, принадлежат Китайской, а те, которые с северной стороны, — Российской империи. И все строения, которые находятся с южной стороны указанной реки до устья реки, называемой Мейрелке, должны быть перенесены на северный берег».

Согласно ст. 2, крепость Албазин, «выстроенная русскими», до основания разрушалась, а все жители, российские подданные, со всем их имуществом выводились на территорию России.

Согласно Нерчинскому договору, огромные пространства, расположенные к югу и востоку от верховьев реки Удь, были оставлены неразграниченными.

Помимо письменного договора цинские послы клятвенно подтвердили, «по своей вере подняв руки выше головы», русскому послу Ф. А. Головину, что в районе Албазина «никогда ханова высочества никакого поселения имети не будет, и токмо в албазинских местех будут карауль».

Нерчинский договор содержит также статьи о пограничном режиме, мерах наказания для нарушителей границы, о торговле на территории обоих государств и др.

Оценивая итоги переговоров в Нерчинске и действия первого русского посла, можно присоединиться к мнению Е. И. Сычевского, который писал: «Замысловатая условия боярина Головина», подписанные им при невыгодных для него обстоятельствах с цинскими послами, «имевшими на стороне своей перевес физический на конгрессе Нерчинском и руководимыми к тому еще св[ятыми] отцами езуитского ордена, показывают дипломатическую ловкость и дальновидное соображение боярина Головина, оправданное последствиями».

Нельзя также не согласиться и с мнением В. А. Александрова, что «Нерчинский договор — сложный памятник дипломатической истории России».

С правовой точки зрения договор не отвечает не только современному международному праву, но и межгосударственным договорным актам того времени.

Кяхтинский договор 1727 года также не решил вышеназванных проблем: он лишь подтвердил, что указанные земли по-прежнему остаются неразделенными.

После этого и до конца XVIII века русское правительство, занятое войнами со Швецией, Пруссией, Турцией и остерегаясь осложнений в отношениях со своим восточным соседом, не занималось этой проблемой и не предпринимало практических мер к возвращению земель, потерянных по Нерчинскому договору.

Однако процесс дальнейшего экономического развития сибирского края и особенно Камчатки, а также военно-стратегические интересы России на Дальнем Востоке ставили данную проблему в повестку дня.

Для Русского государства было крайне необходимо освоить путь по Амуру для сплава продовольствия и других припасов на Камчатку, побережье Охотского моря и на территории в Америке.

Положения Нерчинского договора не запрещали русским плавать по Амуру к неразграниченным землям, но царское правительство, проявляя осторожность в отношениях с Китаем, считало необходимым согласовать этот вопрос с цинскими властями.

В 1753 году Сенат предписал Коллегии иностранных дел снаестись с китайским Трибуналом внешних сношений по вопросу о плавании по Амуру. На основании этого предписания в 1757 году с листом (письмом) Сената в Пекин прибыл русский посланец Василий Братищев. Ему было сказано, что «пропустить российские суда рекою Амуром никак невозможно», так как-де, мол, между людьми обоих государств возникнут ссоры и возобновятся «давние в государстве замешательства».

Русское правительство, естественно, не могло согласиться с таким ответом цинской стороны, поскольку оно не считало Амур чисто китайской рекой.

В 1805 году правительство России направило в Китай специальное посольство во главе с чрезвычайным и полномочным послом Ю. А. Головкиным, который был уполномочен вступить в переговоры с представителями богдыхана и с ними «заключить и подписать трактат, условие или постановление, клонящееся к вьшему утверждению союза между обеими империями равномерно к славе и пользе оных».

Наряду с этим Ю. А. Головкину поручалось добиваться согласия цинского правительства на плавание русских судов по Амуру для снабжения жителей «Камчатки и Северо-Восточного берега Сибири... необходимыми припасами», вопросы же «нового разграничения», если они будут подняты цинскими представителями, постараться отложить «до другого времени, не столь неблагоприятного, как нынешнее, по смутным обстоятельствам, существующим в Европе» (имелись в виду войны с Наполеоном. — А. Ф.).

Однако посольство Головкина доехало только до пограничного пункта в Урге (ныне столица Монголии Улан-Батор). Цинские власти потребовали от него выполнения особого церемониала «коу-тоу» и челобития не только перед богдыханом в

Пекине, но и в Урге — в виде «репетиции» — перед жертвенником, символизирующим личность императора. Поскольку Головкин решительно отказался выполнять эти унизиительные требования, цинское правительство не разрешило ему въезд в Китай, и он в 1806 году возвратился в Петербург.

Русское правительство заявило протест китайским властям, послав им специальный меморандум, в котором указывалось, что «возвращение российского посольства, преждевременно и неприличным образом вынужденное, есть неслыханное для нас происшествие, которое требует с вашей стороны точных и беспристрастных объяснений».

В своем ответе цинское правительство объяснило действия пограничных властей как досадное недоразумение и выразило готовность принять новое русское посольство.

Но в это время Россия была занята войной с наполеоновской Францией и не могла уделить должного внимания дальневосточным проблемам. Тем не менее процесс освоения Восточной Сибири и Камчатки продолжался, и это настоятельно требовало решения вопроса о границе между Россией и Китаем в Приамурье.

В 1805 году в лимане Амура побывали русские офицеры с корабля «Надежда», которым командовал И. Ф. Крузенштерн.

В 1826 году в Приморье и Приамурье была направлена специальная экспедиция во главе с Уваровским, которая в результате своих исследований представила «Записку о р. Амуре». В ней говорилось, что весь район Приамурья и Приморья пустынен, а народы, живущие там, «никому не подведомственны».

Эта информация требовала от русского правительства принятия определенных мер, но оно опять-таки не смогло заняться упорядочением дел на Дальнем Востоке в связи с тем, что началась русско-персидская война (1826–1828 гг.), а затем русско-турецкая (1828–1829 гг.).

В этот период серьезно обостряется внешнеполитическое положение Китая, особенно напряженными становятся его отношения с Англией, которая стремится овладеть китайским рынком. В ноябре 1839 года началась первая «опиумная война», а в феврале следующего года Англия направила в китайские воды эскадру из восемнадцати военных кораблей, четырех пароходов и двадцати восьми транспортов с общей численностью войск четыре тысячи. Война закончилась поражением цинского Китая и подписанием 29 августа 1842 года Нанкинского договора, по которому Китай обязывался открыть для английской торговли пять портов — Кантон, Амой, Нинбо, Фучжоу, Шанхай, уплатить контрибуцию в двадцать один миллион долларов и уступить в «вечное владение» Англии захваченный ею остров Гонконг. Нанкинский договор явился первым неравноправным договором, навязанным Китаю иностранной державой.

В воды Китая вошла также эскадра США, которые, используя благоприятную обстановку после победы Англии, намеревались предъявить Китаю ряд требований. С угрозами в отношении Китая выступила и Франция. Другие страны, в частности Бельгия, Испания, Нидерланды, Пруссия, Португалия, чтобы извлечь для себя выгоды и привилегии, послали в Китай своих представителей.

В 1844 году пекинское правительство подписало договоры с США и Францией, предоставив им ряд существенных прав и преимуществ, в частности право каботажного судоходства на льготных условиях, право экстерриториальности и др. Эти договоры так же, как и Нанкинский договор, были неравноправными. Таким образом, в результате первой «опиумной войны» было положено начало превращению Китая в полуколониальную страну. Война показала гнилость существующего режима, беспомощность власти, она открыла страну для широкого потока иностранных товаров и ухудшила внутреннее положение Китая.

Феодалный Китай потерпел тяжелое поражение в войне с европейской капиталистической державой. «Китайская промышленность, покоящаяся на ручном труде, не выдержала конкуренции с машиной. Непокоримая Срединная империя пережила социальный кризис... Страна очутилась на краю гибели...»

В этих условиях, когда английские, американские и французские военные корабли стали свободно плавать у китайского побережья, а феодальная Цинская империя, оказавшись на краю гибели, попала под колониальный гнет капиталистических западных держав, русское правительство вынуждено было всерьез заняться проблемами Восточной Сибири и Дальнего Востока, принять практические меры к возвращению Амура и Приамурья, обеспечить оборону своих территориальных владений на востоке, и в первую очередь на побережье Охотского моря и Тихого океана.

Нельзя было не учитывать, что другие государства отделялись от Китая огромными водными пространствами, а Русское государство являлось его соседом и имело общую с ним границу протяженностью в несколько тысяч верст (самую длинную государственную границу в мире). Поэтому для России было важно установить границу с Китаем и воспрепятствовать проникновению в ближайшие к ней владения Цинской империи, и особенно в неразграниченные районы, западных держав, которые могли использовать Китай во враждебных России целях.

Иначе говоря, создалась такая обстановка, когда Англия и США стали непосредственно угрожать Русскому государству на Дальнем Востоке, в частности английские и американские военные корабли могли занять устье Амура. Например, во второй половине сороковых годов английские путешественники Билл и Остен под видом ученых-«исследователей» попытались пробраться в устье Амура для разведки побережья и ресурсов Восточной Сибири.

В этой обстановке русское правительство решило прежде всего провести исследования на Дальнем Востоке, в частности окончательно выяснить вопрос о судоходности устья и лимана Амура и о положении Сахалина, поскольку многие мореплаватели, такие как Ж. Ф. Лаперуз, У. Р. Браунтон, И. Ф. Крузенштерн, на основании своих исследований утверждали, что Амур закрыт для входа и выхода морских судов, а Сахалин является полуостровом.

Однако ради осторожности эти исследования было предложено проводить от имени Российско-американской компании.

В этой связи генерал-губернатор Восточной Сибири В. Я. Руперт 7 марта 1846 года представил царю обстоятельную записку «по предположениям его о мерах к устройству вверенного ему края, сообразно политическому онаго значению». В ней он писал: «Обладание Амуром во всяком случае неизбежно для России и рано или поздно оно должно осуществиться. Амур необходим для восточного края России, как необходимы берега Балтийского моря для западного ее края, необходим, как для расширения наших торговых связей с Китаем и вообще с Востоком, как для решительного утверждения русского флага над северными водами Восточного океана, так и для быстрейшего и правильнейшего развития естественных богатств Восточной Сибири, всего этого огромного пространства земель от верховьев Оби до Восточного океана». Далее в записке отмечалось, что «все пространство земли по левому берегу Амура едва населено и то бродячими семействами дучеров и тунгусов, не принадлежащих ничьей власти».

Следует отметить, что в записке необходимость для России обладания Амуром связывалась также с намерением расширить русско-китайские торговые связи.

Эта убедительная записка генерал-губернатора Восточной Сибири явилась новым толчком, побудившим царское правительство вновь активно заняться проблемами Приамурья и Приморья.

В 1845 году к устью Амура была направлена экспедиция под руководством офицера Д. И. Орлова, а в 1846-м в том же районе побывала экспедиция во главе с офицером А. М. Гавриловым. Правда, эти экспедиции оказались неудачными, но интересно отметить, что как Орлов, так и Гаврилов в районе своих исследований не видели ни одного маньчжура. Встреченные ими местные жители — гиляки — также ничего не знали о маньчжурах и жили сами по себе, то есть без всякой власти над ними.

В 1847 году юго-западное побережье Охотского моря исследовал В. К. Поплонский, который открыл и описал залив Великого Князя Константина, расположенный вблизи бассейна Нижнего Амура.

Много инициативы и настойчивости в осуществлении правительственных мероприятий, направленных на освоение и закрепление Приамурья за Россией, на обеспечение обороны русских владений в Сибири и на Дальнем Востоке, проявил назначенный в 1847 году на пост генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, молодой, энергичный военачальник и администратор.

В 1849 году Н. Н. Муравьев в своей записке «Причины необходимости занятия устья р. Амура...» писал: «Могу сказать, что, кто будет владеть устьями Амура, тот будет владеть и Сибирью, по крайней мере до Байкала, и владеть прочно: ибо достаточно иметь устье этой реки и плавание оной под ключом, чтобы Сибирь, и более населенная и цветущая земледелием и промышленностью, оставалась неизменной данницею и подданною той державы, у которой будет этот ключ».

Летом того же года при активной поддержке Н. Н. Муравьева была совершена экспедиция капитан-лейтенанта Г. И. Невельского на транспорте «Байкал» в устье Амура для его исследования. Экспедиция подтвердила: входы в Амур с юга и с севера открыты, а Сахалин является не полуостровом, как ошибочно думали прежде, а островом, отделенным от материка судоходным проливом.

Эти сведения коренным образом меняли положение дел. Муравьев, представляя документы Невельского князю Меншикову, писал ему: «...множество предшествовавших экспедиций... могли достигнуть европейской славы, но ни одна не достигала отечественной пользы, по крайней мере в той степени, как исполнил это Невельской. <...> Это... заставляет нас безотлагательно приступить к занятию устья Амура, или со дня на день должно ожидать, что оно с юга должно быть занято другими». По мнению Муравьева, это могла сделать «Америка или Франция или Англия, но нет почти сомнения, что это совершится последнею».

В результате экспедиции Невельского была открыта также близ самого устья Амура на северном берегу гавань, названная гаванью Счастья, где 29 июня 1850 года было основано первое русское зимовье в Приамурье — Петровское.

В процессе последующего плавания Невельского было намечено место для будущего порта в устье Амура, на полуострове Куегда, где теперь расположен Николаевск-на-Амуре. На этом месте 1 августа 1850 года Г. И. Невельской поднял русский военно-морской флаг, имея в виду тем самым заявить о ликвидации исторической несправедливости — возвращении левобережья Амура Русскому государству. В Николаевском порту были оставлены десять человек во главе с прапорщиком П. Поповым.

Двенадцатого февраля 1851 года по решению, утвержденному царем, была организована новая экспедиция для изучения этого района, а ее начальником назначен Г. И. Невельской, теперь уже капитан I ранга. Экспедиция действовала под началом генерал-губернатора Восточной Сибири.

Одновременно была предпринята важная предупредительная акция перед правительством цинского Китая. Семнадцатого февраля 1851 года в пекинский Трибунал было послано утвержденное царем письмо (лист), в котором в друже-

ственным тоне высказан ряд соображений и предложений. В нем, в частности, говорилось: «Вековые дружественные наши с Китаем сношения побуждают нас довести до сведения Китайского правительства о сем важном обстоятельстве (о появлении иностранных судов у лимана Амура. — А. Ф.). Овладение устьем Амура или занятие в тех местах пункта какою-либо морскою Державою не может быть нами терпимо, так как Амур вытекает из наших пределов, а притом самые земли от Уди к востоку лежащая, и следственно примыкающая к устью Амура, по трактату нашему с Китайскою Империею оставлены неразграниченными. Поэтому существенныя выгоды как Китая, так и России требуют, чтобы никакия иностранные суда не могли иметь вход в Амур и плавать по сей реке и чтобы устье оной не принадлежало никакой сторонней державе. Все это дружески сообщается Китайскому Правительству на дальнейшее его размышление, и не признает ли оно полезным войти с нами в соглашения насчет обезопасения устья помянутой реки и противулежащаго острова от всяких покушений на сии места иностранцев, — чего по видимому требовала бы взаимная безопасность наших и ваших в тех местах пределов».

Таким образом русское правительство обращало внимание китайского правительства на опасность сложившейся ситуации в устье Амура и, чтобы этим районом не овладела какая-либо другая держава, предлагало договориться о совместных действиях в целях обеспечения безопасности как непосредственно устья Амура, так и земель, прилегающих к нему и остающихся неразграниченными между Россией и Китаем. Однако китайское правительство не ответило на это важное и дружественное обращение правительства России.

При таком отношении китайской стороны русские власти были вынуждены в одностороннем порядке принимать меры с целью защиты Приамурья от посягательств на него других иностранных держав.

По инициативе Муравьева было принято решение о переносе основной базы Сибирской флотилии из Охотска в Петропавловск, с тем чтобы укрепить оборону этого отдаленного района. В этих же целях на Камчатке было образовано военное генерал-губернаторство. В результате своевременно принятых оборонительных мер были решительно отбиты атаки англо-французских военных кораблей, вошедших в августе 1854 года, то есть во время Крымской войны, в Авачинскую губу и пытавшихся захватить русский порт Петропавловск.

С той же целью укрепления обороноспособности Дальнего Востока были образованы Кяхтинское градоначальство (20 июня 1851 г.) и Забайкальская область (11 июля 1851 г.), сформировано Забайкальское казачье войско (17 марта 1851 г.).

Вместе с тем вопрос о разграничении с цинским Китаем продолжал обсуждаться в правительственных кругах России. В 1852–1853 годы всесторонне рассматривался доклад Забайкальской экспедиции, возглавляемой подполковником Н. Х. Агте (Ахте), которая в течение почти двух лет занималась исследованием вопроса о том, как, начиная от реки Горбицы, должна была проходить граница по Нерчинскому договору 1689 года.

Шестнадцатого июня 1853 года Правительствующий сенат направил китайскому Трибуналу внешних сношений новое письмо, в котором высказывалось предложение о «постановлении» пограничных знаков по обоюдному соглашению «в видах учреждения большого порядка по границе и для отвращения всяких незаконных через оную переходов», для чего генерал-губернатору Восточной Сибири даны соответствующие повеления, и китайские власти могли бы прислать своих доверенных лиц в Кяхту или в Иркутск.

Сделать это «было бы тем полезнее, — указывалось далее в письме, — что тогда можно было бы также войти в переговоры и о пространстве, прилежащем

к морю, которое, как Вам известно, по трактатам оставлено вовсе не разграниченным — впредь до усмотрения. Таким образом и пограничный сей вопрос мог бы дружелюбным соглашением быть приведен к желаемому окончанию, сообразуясь с потребностями обоих государств».

Двадцать пятого июля 1851 года между Россией и Китаем был подписан в Кульдже трактат о торговле, заложивший правовую основу официальных русско-китайских отношений на границе Русского государства с Синьцзяном и явившийся важным шагом по пути нормализации и развития добрососедских отношений между двумя государствами.

Однако в отношении предложения русской стороны о проведении территориального разграничения цинская сторона занимала неопределенную, уклончивую позицию. Долгое время она вообще не отвечала на упомянутое письмо Сената, а потом, в 1854 году, сообщила, чтобы русские чиновники, назначенные для постановки пограничных столбов, приехали в Ургу весной следующего года. Что касается предложения о проведении переговоров относительно неразграниченного пространства, то о нем в сообщении вообще не упоминалось.

Реализация предложения России о постановке пограничных столбов явно затягивалась, а потом, в связи с изменением обстановки на Дальнем Востоке, вызванным войной России с Турцией и Крымской войной, когда появилась прямая угроза нападения англо-французского флота на русское побережье Тихого океана, дело о пограничных столбах совсем прекратилось.

В сложившейся обстановке для русского правительства выдвинулись на первый план два наиболее актуальных вопроса — о плавании русских судов по Амуру и о признании за Россией всего левобережья Амура и Уссурийского края.

Для приобретения опыта в плавании по Амуру и доставки в низовье войск, боеприпасов и продовольствия в начале 1854 года было решено направить по реке большой сплав — караваны барж, баркасов, лодок, плотов.

Шестого февраля 1854 года в Пекин было послано соответствующее уведомление о предстоящем сплаве по Амуру. По указу царя организация и осуществление сплава были возложены на Муравьева. Ему же было дано разрешение вступать в непосредственные сношения с пекинским Трибуналом.

Четырнадцатого апреля 1854 года Муравьев отправил из Иркутска дайцинскому Трибуналу внешних сношений письмо, в котором вновь объяснил, что плавание по Амуру предпринимается для защиты русских приморских земель от посягательств иностранных держав, и сообщил, что, исполняя волю царя, он спешит отправиться по Амуру «к берегам Восточного океана с приличным числом чиновников и войска на судах».

Русская флотилия благополучно пришла в устье Амура. Прибывшие с ней войска и гражданские чиновники были распределены по различным пунктам Дальнего Востока (Петропавловск, Николаевск, Мариинск и др.).

Своевременное усиление гарнизона на Камчатке вскоре увенчалось блестящей победой над соединенной англо-французской эскадрой, попытавшейся с ходу атаковать и захватить Авачинскую бухту, уничтожить наши силы и средства и в конечном итоге превратить полуостров в важнейший английский опорный пункт в северо-восточной части Тихого океана.

Весной 1855 года Муравьев отправил новый сплав по Амуру, в составе которого было около сотни барж с войсками, боеприпасами и продовольствием. Как и в предыдущий раз, он заблаговременно уведомил пекинские власти о своем намерении совершить плавание по Амуру для защиты края от вторжения англо-французов.

В июне 1855 года со вторым сплавом на Нижний Амур прибыло большое количество войск. В Де-Кастри губернатор направил пятьсот человек под ко-

мандованием подполковника Сеславина. Пробыв на месте дислокации до начала октября, но так и не дождавшись противника, подполковник с основной частью людей вернулся в Мариинск.

С рассветом пятнадцатого октября английская эскадра командора Эллиота в составе трех кораблей вновь появляется в бухте, надеясь все же захватить здесь русские суда. Рота заняла боевые порядки. Тут же был отправлен связной в Мариинск. Против семидесяти трех пушек англичан наши развернули два десятифунтовых единорога.

После артиллерийского обстрела берега, длившегося четыре часа, от кораблей отвалило шестнадцать вельботов, на которых находилось до семисот солдат и матросов. Начался бой. В какой-то момент уряднику Таскину удалось уложить руководителя десанта. У англичан началась паника, и они стали спешно возвращаться на корабли.

Тем временем эскадра приблизилась к берегу и продолжила артиллерийский обстрел. Бомбардировка эта продолжалась в течение двух недель. Сорвался и второй десант. И третий.

Так произошло первое боевое крещение забайкальских казаков при защите Амура. Урядник Таскин был награжден за свой меткий выстрел Знаком отличия Военного ордена, став первым Георгиевским кавалером в Забайкальском казачьем войске.

От китайского Трибунала с большим опозданием пришли два ответных письма, в одном из которых указывалось, что подобное плавание «не совсем позволительно», а в другом сообщалось, что «мы сделали отступление от правил и пропустили Ваши суда» и что «по взаимному соглашению» плавание в будущем возможно.

Следует отметить, что со вторым сплавом в устье Амура прибыли научная экспедиция для всестороннего изучения реки и, что особенно важно, — первые иркутские и забайкальские крестьяне-переселенцы.

В течение 1855 года на берегу Амура были основаны русские поселения: Иркутское, Богородское, Михайловское, Ново-Михайловское, Воскресенское. Напротив Мариинского поста на острове Сучи конные казаки основали станицу Сучи.

По данным Забайкальской секретной экспедиции, народы, жившие к югу и востоку от верховьев Уди, на всем пространстве действий экспедиции, считали себя подвластными России или оказались совершенно независимыми. Только жители областей по левому берегу Амура от реки Ольдоя до нижнего течения Буреи считали себя подчиненными цинским властям.

А если говорить об общей численности населения Сибири, подвластного России, то она с 1815 по 1858 годы (по X ревизии) почти удвоилась: с 1 534 500 человек достигла 2 936 036 человек (обоего пола) при подавляющем большинстве русских. На Восточную Сибирь из этого числа населения приходилось 1 152 978 человек и триста пятьдесят тысяч из них проживали в Забайкалье. На приисках Восточной Сибири добывалась большая часть российского золота, а число рабочих там в 1854 году было более тридцати семи тысяч человек.

Можно считать, что в это время завершался период первоначального освоения Приамурья, Приморья, Сахалина, Камчатки.

Амурская экспедиция, сыгравшая большую роль в изучении, освоении и защите Дальнего Востока на суше и на море, была заменена Управлением камчатского губернатора с местопребыванием в Николаевске-на-Амуре.

Необходимо заметить, что в русско-китайских отношениях все большее значение приобретала торговля. В середине XIX века на торговлю с Китаем приходилось 60 % всего русского вывоза и 43,8 % ввоза на азиатской границе России. Русские купцы вывозили в Китай меха, кожи, сукна, хлопчатобумажные ткани, а взамен получали чай, шелковые ткани, посуду, украшения и т. п.

Меновая торговля с Китаем велась через Кяхту; главным торговым и административным центром Восточной Сибири был Иркутск, в котором в 1851 году проживало более двадцати тысяч человек, там было свыше шестидесяти заводов (с продукцией на пятьдесят тысяч рублей в год). Однако перспективы развития взаимовыгодных торговых связей России с Китаем в значительной мере зависели от решения вопроса об Амуре, например, ввоз китайского чая морским путем мог бы быть в несколько раз дешевле, чем сухопутным путем через Кяхту.

Словом, вопрос о переговорах с китайской стороной относительно признания за Россией права на левобережье Амура вполне созрел и требовал разрешения.

После всестороннего обсуждения данного вопроса в правительственных кругах России царь Александр II утвердил 16 июня 1855 года указания Муравьеву на ведение переговоров с Китаем, чтобы закрепить за Россией весь левый берег Амура и получить право свободной торговли в северных областях Китайской империи. При этом Муравьеву предписывалось действовать «посредством миролюбивых соглашений», разъяснять выгоды для Китая от близких и дружественных сношений с Россией и в случае успеха донести об этом для получения формальных полномочий на заключение нового договора.

Пятнадцатого сентября 1855 года в Мариинском посту состоялась первая встреча русских и китайских уполномоченных, на которой Муравьев огласил подготовленную им ноту под названием «Мысль уполномоченного от Русского правительства...». В ноте напоминалось о письме Сената от 17 (5) февраля 1851 года китайскому Трибуналу о том, что российское правительство не может допустить занятия устья Амура какой-либо иностранной державой.

Отмечалось, что Россия долго не пользовалась водным путем по Амуре, хотя Нерчинский договор и не запрещал этого, но теперь обстоятельства изменились: война с Англией и Францией потребовала сплава войск и строительства укреплений в устье Амура, без чего «паровые суда неприятельския безнаказанно поднимались бы уже вверх по реке и проникнули бы до внутренних областей ваших и наших».

Затем в ноте говорилось, что «защита Амура, деятельно и с огромными издержками предпринятая Россией, не может быть временною мерою: сосредоточенныя на устьях онаго военные наши силы и воздвигнутыя укрепления на вечные времена должны еще усиливаться и охранять эту страну от всякого чуждого вторжения, а потому 1-е, все места, для этой цели занятыя нами там, и весь приморский край должны окончательно остаться во владении России; 2-е, для необходимая и безпрерывнаго летом и зимою сообщения войск и крепостей наших, на устье Амура находящихся, со внутренними областями нашими — так как сообщением горами, по всем изследованиям, решительно невозможно ни зимою, ни летом — нам должно иметь свои поселения на всем левом берегу р. Амура, который вместе с тем представляет самую естественную и бесспорную границу».

В ноте обращалось внимание китайских уполномоченных на то, что Россия не ищет «расширения своих пределов», так как она и так обширная, «но Россия, сохраняя дружескую связь с Дайцинским государством и искренно желая продолжения с ним мира, заботится только об обеспечении своих границ от иностранцев и, желая разграничения с Китаем, исполняет долг государства, для котораго определенность границы есть дело высокой важности».

На второй встрече китайский уполномоченный гусайда (чин, соответствующий командиру дивизии) Дзиргашань в своем выступлении, сославшись на письмо Сената от 16 июня 1853 года, заявил, что они прибыли для постановки пограничных знаков. На это Муравьев ответил, что в упомянутом письме Сената речь шла не только о постановке знаков, но и «о пространстве, прилежащем к морю, по трактатам оставшемся между Китаем и Россией неразграниченным».

Китайский уполномоченный вновь подтвердил, что им поручена только «по-становка столбов», а на другое они полномочий не имеют.

Когда же представитель России указал на необходимость решения дела по обоюдному согласию «для защиты от иностранцев», китайские представители признали, что если Амур будет границей, «то между нами не может быть споров» и не нужно будет ставить «столбов и караулов на границе». При этом они спросили, как быть с китайскими селениями, находящимися на левом берегу Амура?

На это русский представитель ответил, что можно будет перевести их на правый берег реки, но сначала надо договориться о главном. В заключение уполномоченные взаимно подтвердили важность сохранения мира между обоими государствами. На этом и закончились предварительные переговоры между уполномоченными России и Китая.

Ознакомившись с содержанием этих переговоров, в Петербурге решили послать от имени Сената китайскому Трибуналу новое письмо. В указанном письме от 27 декабря 1855 года приводились прежние аргументы в подтверждение необходимости войти в соглашение для ограждения устья Амура «от всяких покушений на него иностранцев для взаимной безопасности» и заявлялось о продолжении сплавов вниз по Амуру значительного числа войск.

В письме категорически отвергалось замечание китайского Трибунала о том, что вести сплав русских войск по Амуру «не совсем позволительно».

Это «замечание, после всего вышеизложенного, — говорилось в письме, — не может иметь места; и так как лежащая к востоку и к берегам реки Амура прилегающая земли оставались доселе неразграниченными, то естественно отсюда следует, что защита мест этих, общих и между нами неопределенных, должна быть против внешних покушений вполне единомысленная», и только свобода плавания русских и китайских судов по Амуру может оградить владения обоих государств от «вторжения чуждых наций в эту реку», чего «мы отнюдь не можем допустить».

Военные действия на Дальнем Востоке в период Крымской войны наглядно подтвердили слабость коммуникаций на материке и незащищенность русского побережья с моря. Создание военных баз и глубоководных, незамерзающих портов в этом районе стало жизненно важной и первостепенной задачей для русского правительства.

Ввиду этого, после окончания Крымской войны и подписания 30 марта 1856 года Парижского мирного договора, в петербургских правительственных кругах единодушно считали крайне необходимым решение Амурского вопроса. Выражением этого общего мнения явилось утверждение царем 20 марта 1856 года полномочий Муравьеву на ведение переговоров с китайской стороной о заключении нового договора о границах.

В это время в Цинской империи продолжалось Тайпинское движение, начавшееся в июле 1850 года в Гуанси под лозунгом борьбы против феодального строя, за свержение маньчжурской Цинской династии, и распространившееся на северо-восточную часть страны вплоть до Пекина. В марте 1853 года тайпины овладели Нанкином, переименовали его в Тяньцзинь и объявили столицей Тайпинского государства.

Одна из повстанческих групп в сентябре 1853 года захватила китайскую часть Шанхая, что привело к столкновению повстанцев с европейскими державами, для которых Шанхай являлся важным портом и крупным торговым центром.

Англия, США и Франция встали на путь подавления освободительного движения в Китае. Консулы этих стран создали в Шанхае специальный комитет, захватив в свои руки управление таможнями. За иностранцами, проживающими на территории международного селтльмента* в Шанхае, было признано право на самоуправление.

---

* *Сеттльмент* — обособленные кварталы в центре некоторых крупных городов Китая в XIX — начале XX веков, сдаваемые в аренду иностранным государствам.

Правительство Англии, продолжая курс на закабаление Китая, развязало в 1856 году вторую «опиумную войну». Английская эскадра подвергла жестокой бомбардировке Кантон.

Встретившись, однако, с затруднениями при организации экспедиции в Китай, англичане обратились к Франции, России и США с предложением участвовать в войне с Китаем. Франция согласилась, Россия же отклонила английское предложение. США официально не присоединились к участию в войне, однако направили свои военные корабли в китайские воды и участвовали в военных действиях.

В декабре 1857 года английские и французские войска захватили Кантон (Гуанчжоу), предав его грабежам и пожарам. А 20 мая 1858 года эскадра интервентов заняла форт Дагу и подступила к Тяньцзиню, создав таким образом реальную угрозу китайской столице — Пекину.

Русское правительство внимательно следило за событиями в Китае, за действиями западных держав по отношению к этой стране. Оно решило послать в 1857 году в Китай адмирала Е. Путятина, поручив ему обеспечить распространение на Россию принципа наиболее благоприятствуемой нации в отношении морской торговли в открытых портах Китая, а также привилегий, которые Китайское государство предоставило или могло предоставить в будущем западным странам. Наряду с этим Путятину поручалось и ведение переговоров о дальневосточных границах.

Следует, однако, подчеркнуть, что правительство России стремилось достичь своих целей не военным, а дипломатическим путем, причем так, чтобы не ухудшить отношений со своим восточным соседом. Поэтому когда английский и французский послы в Петербурге вновь предложили русскому правительству присоединиться к требованиям западных держав в Пекине, то им был опять дан отрицательный ответ, а 1 июня 1857 года китайскому правительству через русского посла в Париже было передано, что в отношении Китая Россия «не присоединится ни к каким насильственным мерам» и «не прибегнет к языку угроз».

Однако Путятину, выехавшему в феврале 1857 года через Сибирь на Кяхту, цинские власти не разрешили въезд в Китай, и ему пришлось спуститься вниз по Амуру и на пароходе направиться к Тяньцзиню. Причем министерством иностранных дел ему было строго предписано — и это важно подчеркнуть — не вмешиваться во внутренние дела Китая.

Цинские власти не приняли Путятина и в Тяньцзине, сославшись на то, что его приезд не был согласован заранее. Однако позже они вступили в контакты с ним. Более того, цинское правительство приняло предложение правительства России, переданное через Путятина, о направлении в Китай в порядке помощи оружия и военных инструкторов. Этой акцией русское правительство показало свое доброжелательное отношение к Китаю, в то время как западные державы пытались подчинить его своему диктату.

В условиях второй «опиумной войны» и широко распространившегося Тайпинского движения в стране пекинские правящие круги считали необходимым поддерживать благоприятные отношения с Россией. Что касается земель Приморья и Приамурья, которые Россия стремилась закрепить за собой, то они не были заселены китайцами, фактически не приносили цинской казне доходов, и поэтому для Пекина было более важным сохранение добрососедских отношений с русскими, чем удержание этих земель. Некоторые высшие сановники прямо заявляли, что разрыв с Россией из-за Амура был бы губителен для Китая. По сообщению русского архимандрита в Пекине Палладия, самый влиятельный член Военного совета Вэнь Цин полагал, что «устройство укреплений русских на берегах Амура решительно недопустимо; но вступить из-за этого обстоятельства в явную вражду с Россией тоже невозможно».

В конце 1857 года Сенат послал китайскому Трибуналу новое письмо, в котором выражались упреки китайской стороне в связи с тем, что она оставила без ответа обращения, сделанные ей в 1851 и 1855 годах, о защите Амура от иностранцев и о сплавах войск, отказалась дать удовлетворение за сожжение русской фактории в Чугучаке, не приняла Путятина, нарушив тем самым ст. 9 Кяхтинского договора о поклах.

В заключение снова указывалось на необходимость закрепления за Россией всего левого берега Амура, морского побережья до Кореи и обеспечения свободы плавания по Уссури. Одновременно подтверждалось, что продолжение переговоров поручается генерал-губернатору Муравьеву.

В начале 1858 года в китайский Трибунал было послано еще письмо, в котором снова обращалось внимание на то, что Трибунал оставил без ответа неоднократные обращения к нему русского Сената. Китайская сторона предупреждалась, что если недоразумения между обеими странами будут накапливаться, то они «неизбежно породят неприятные столкновения».

Однако Пекин оставил без ответа и это письмо русского Сената.

Тогда в Петербурге решили, что больше не следует тянуть дело с переговорами о территориальном разграничении на Дальнем Востоке, что пора начинать эти переговоры с представителями Цинской империи. Вновь было подтверждено, что переговоры поручается продолжить Муравьеву, а Путятину в апреле 1858 года было указано на нецелесообразность его попыток открыть переговоры о границах в Шанхае.

Генерал-губернатор Муравьев, имея поручение на продолжение переговоров с представителями Китая, отправился в плавание по Амуру с целью переселения казаков вниз по течению реки, в Айгун же сообщил, что спешит к устью Амура, а переговоры ему будет удобнее вести на обратном пути. Тем самым он показал цинской стороне, что он не торопится обсуждать вопрос о территориальном разграничении.

Но теперь уже цинское правительство спешило начать с русскими переговоры с тем, чтобы провести их до новых поражений в войне с западными державами, военные корабли которых, как уже отмечалось, в это время были на подступах к Тяньцзиню.

Муравьев был встречен во время плавания по Амуру китайскими чиновниками, и ему было предложено задержаться на несколько дней для переговоров о разграничении. Двадцать второго мая Муравьев прибыл в Айгун (на правом берегу Амура, тридцать пять километров ниже Хэйхэ) в сопровождении пристава духовной миссии, статского советника П. Перовского, переводчика Шишмарева и подполковника К. Будагоского. Китайцы приветствовали русскую делегацию артиллерийским салютом, русские ответили тремя выстрелами из полевых орудий.

Муравьева встретил в доме асканьи-амбана (члена совета министерства) главный китайский уполномоченный цзяньцзюнь (командующий войсками) из Цицикара князь И Шань.

На другой день, 23 мая 1858 года, состоялось первое заседание русской и китайской делегаций. Помимо И Шаня в составе китайской делегации были амбань и секретарь Айжиндай.

Муравьев предложил провести границу по рекам Амуру и Уссури с признанием за Россией морского берега до Кореи. Он объяснил, что англичане могут завладеть устьем Амура и местами от него к югу, а помешать этому Россия сможет лишь в том случае, если на основании договора можно будет показать ее владения. После этого Муравьев предъявил полномочия на ведение переговоров о границе и по всем другим пунктам.

И Шань отказался предъявить свои полномочия, мотивировав это тем, что они были написаны на китайском языке, а переводчик владел только маньчжурским.

Но он пояснил, что может говорить только о приамурских областях, находящихся в его ведении. При этом он добавил, что в указанных местах китайцы издавна собирают ясак и имеют караулы, вполне достаточные для отражения иностранцев без посторонней помощи.

На это Муравьев резонно ответил, что вина Китая в том и состоит, что он, не имея на то права, взимал ясак с жителей в неразграниченных местах. К этому он справедливо добавил, что «без пушек нельзя прогнать английские корабли» и если уже не смогли отстоять Кантон, то где же удержать отдаленную и незаселенную страну?

На следующий день русская делегация предложила китайской делегации проект договора, состоящий из шести статей: о границе по рекам Амур и Уссури; свободе плавания по пограничным рекам судов только двух государств; взаимной свободной торговле по Амуру и Уссури; добровольном переселении жителей с отошедших к России земель; о пересмотре порядка торговых и почтовых сношений и отправлении посольств; о признании настоящего договора в качестве дополнения к прежним трактатам.

Этот проект договора обсуждался делегациями в течение нескольких дней.

Особенно долго продолжалась дискуссия по территориальному вопросу. Цинские уполномоченные настойчиво отказывались принять предложения русской делегации. Сначала они ссылались на ограниченный характер полномочий, а потом в качестве аргумента стали приводить явно надуманную версию о том, будто в Уссурийском крае находится родина Цинской династии и поэтому уступка его России была бы «государственной изменой». На это русский представитель ответил, что у цинских уполномоченных нет никаких сведений о приуссурийских землях: там нет ни их учреждений, ни их постоянных жителей, поселяются там только беглые китайцы, а уполномоченные даже не знают, что во многих пунктах морского побережья есть уже русские посты, которые служат пользе не только России, но и Китая.

В результате продолжительного обмена мнениями и споров Муравьев решил в целях достижения договоренности отступить от первоначально занятой им позиции и согласился определить границу по Амуру только до устья Уссури, а места далее к морю оставить без разграничения.

Составленный в этом духе текст договора он передал уполномоченным Китая. После непродолжительного препирательства китайские уполномоченные пошли на принятие компромиссного предложения русских. «На другой же день, 15 мая, китайские уполномоченные прибыли на баржу генерал-губернатора для окончательного соглашения...»*

Двадцать восьмого (16) мая 1858 года в Айгуне был подписан русско-китайский договор. От имени своих государств договор подписали с русской стороны — генерал-губернатор Восточной Сибири генерал-лейтенант Николай Муравьев и статский советник Петр Перовский; с китайской стороны — Амурский главнокомандующий И Шань и помощник дивизионного начальника Дзираминга.

Договор состоит из краткой преамбулы и трех статей. В преамбуле указывается, что договор заключен «по общему согласию, ради большей вечной взаимной дружбы двух Государств, для пользы их подданных и для охранения от иностранцев».

В ст. 1, устанавливающей территориальное разграничение, говорилось: «Левый берег реки Амура, начиная от реки Аргуни до морского устья р. Амура, да будет владением Российского государства, а правый берег, считая вниз по течению, до р. Усури, владением Дайцинского государства; от реки Усури далее до моря на-

---

* Болховитинов Л. М. *Русский Амур. // География. — 2003. — № 19.*

ходящиеся места и земли, впредь до определения по сим местам границы между двумя государствами, как ныне да будут в общем владении Дайцинского и Российского государств».

Далее статья говорила о праве плавания судов по смежным рекам: «По рекам Амуру, Сунгари и Усури могут плавать только суда Дайцинского и Российского государств, всех же прочих иностранных государств судам по сим рекам плавать не должно».

В статье особо оговаривалось в отношении маньчжурских жителей, которые в нарушение Нерчинского договора обосновались на левобережье Амура: «Находящихся по левому берегу р. Амура от р. Зеи на юг, до деревни Хормолдзинь, маньчжурских жителей оставить вечно на прежних местах их жительства, под ведением Маньчжурского правительства, с тем, чтобы русские жители обид и притеснений им не делали». Это положение было включено в договор по настоятельной просьбе цинских уполномоченных. Но эта уступка со стороны России вовсе не означала признания прав Китая на участок территории, где находились поселения маньчжуров. Приведенный текст статьи ясно говорит о том, что на данном участке граница проходит по Амуру, что указанная территория считается русской и что русское правительство осуществляет над ней свою суверенную власть, а маньчжурскому правительству предоставлялось лишь право юрисдикции в отношении своих подданных, проживающих на этой русской территории.

Статья 2 касалась взаимной торговли. В ней указывалось: «Для взаимной дружбы подданных двух государств дозволяется взаимная торговля проживающим по рекам Усури, Амуру и Сунгари подданным обоих государств, а начальствующие должны взаимно покровительствовать на обоих берегах торгующим людям двух государств».

В ст. 3, заключительной, отмечалось, что уполномоченные обеих сторон, «по общему согласию, постановили — да будет исполняемо в точности и ненарушимо на вечные времена». Здесь же указывалось, что русский уполномоченный передал цинскому уполномоченному написанные им тексты договора на русском и маньчжурском языках, а цинский уполномоченный, в свою очередь, передал русскому уполномоченному написанные им тексты договора на маньчжурском и монгольском языках.

В конце статьи было сказано: «Все здесь написанное распубликовать во известие пограничным людям двух государств».

Вскоре после подписания договор был ратифицирован главами обоих государств. Богдыхан издал 14 (2) июня 1858 года специальный указ, в котором было написано, что «утверждено все, о чем ведены были переговоры» в Айгуне. В указе выражалось пожелание, чтобы русские «употребили усилие усостыжить англичан и французов и положить предел их несправедливым требованиям». Такая приписка в богдыхановском указе свидетельствовала о дружеском, доверительном отношении цинского правительства к России, в которой оно видело своего друга и покровителя в условиях, когда западные державы вели «опиумные войны» против Китая в целях его подчинения и угнетения.

В Петербурге этот указ богдыхана был встречен с удовлетворением.

В связи с получением такого указа министерство иностранных дел России не сочло нужным производить обмен ратификационными грамотами. Двадцатого (8) июля 1858 года русский царь тоже утвердил Айгунский договор, а в Пекин было послано письмо, утвержденное царем 27 (15) июля 1858 года, с указанием о том, что договор обнаружен «в известность пограничным людям».

Рассматривая содержание и значение Айгунского договора, заключенного Русским государством с Цинской империей в 1858 году, необходимо отметить следующее.

1. Айгунский договор является важным договорно-правовым актом, достигнутым русской дипломатией в середине XIX века. По этому договору России была возвращена значительная часть земель, отторгнутых у нее Цинской империей на основании Нерчинского договора. Левобережье Амура от его верховьев у реки Аргунь до устья у Охотского моря было признано владением Русского государства. В результате заключения Айгунского договора существенно укрепились позиции России на Дальнем Востоке.

Однако России не были возвращены земли, расположенные на правобережье Аргуни и Амура, которые, согласно Нерчинскому договору, отошли к цинскому Китаю на условиях ограниченного суверенитета. Русским уполномоченным не удалось также добиться закрепления за Россией приморских земель от реки Уссури до моря, на чем они настаивали в начале переговоров с цинскими представителями.

Реальной основой успеха, достигнутого русской дипломатией на переговорах с Цинами в Айгуне, было фактическое освоение приамурских земель народами России, тогда как китайцы не проживали на этих землях, Цинская империя не осуществляла контроль над ними и по сути дела не была связана с ними.

Из этого также следует, что Айгунский договор не причинил цинскому Китаю никакого ущерба — ни территориального, ни материального. И именно поэтому вопрос о возмещении материального ущерба одной стороной другой в связи с территориальным разграничением даже не поднимался во время переговоров.

2. Айгунский договор по существу был дружественным, союзническим актом между Россией и Китаем. Он был направлен против экспансии западных капиталистических держав и представлял собою барьер, преграждавший им путь к овладению районом Амура. Это отвечало как интересам Русского государства, так и интересам Китая, против которого западные державы вели тогда войну, стремясь его колонизировать.

Указанный договор с учетом его положений о взаимной торговле содействовал дальнейшему развитию отношений между Россией и Китаем в духе дружбы и добрососедства.

3. В Айгунском договоре не было положений о предоставлении каких-либо особых политических, торговых, правовых и иных привилегий Русскому государству и его подданным в отличие от неравноправных договоров, заключенных в то время с Китаем капиталистическими странами Запада.

Айгунский договор если и был в чем-либо неравноправным, то по отношению к русской стороне, поскольку допускал в статье первой своего рода сеттлмент — осуществление юрисдикции Китая в отношении немногочисленного китайского населения на левом берегу Амура в районе реки Зея, принадлежавшем России.

4. В отличие от обстановки переговоров в Нерчинске, где цинская сторона использовала военную силу для оказания давления на русскую делегацию, обстановка переговоров в Айгуне была нормальной: как до переговоров, так и во время переговоров ни с чьей стороны не было ни военных действий, ни демонстраций силы.

5. По сравнению с Нерчинским договором, который с правовой точки зрения был несовершенным, так как страдал многими серьезными недостатками, Айгунский договор представляет собою обычный международно-правовой документ. Он составлен и оформлен в общепринятом порядке, его статьи сформулированы четко и ясно. Договор ратифицирован суверенами, то есть главами обоих государств.

Русско-китайский Тяньцзиньский договор подписан адмиралом Е. Путягиным 13 июня 1858 года. Он значительно расширял политические и торговые права России в Китае, уравнивая ее в этом отношении с другими державами (до подписания этого договора Россия не имела тех привилегий, которыми пользовались англичане, французы и американцы в Южном Китае, ибо, согласно Нанкинскому

договору 1842 года, все эти привилегии распространялись лишь на державы, ранее торговавшие с Кантоном). Тяньцзиньский договор, состоявший из двенадцати статей, подтверждал в ст. 10 прежние права России, содержащий в Пекине Русскую духовную миссию и «отправлять посланников в Пекин всякий раз, когда признает это нужным» (ст. 2). Устанавливались некоторые ограничения китайского дипломатического церемониала (равенство в переговорах при свиданиях русских посланников с китайскими министрами и генерал-губернаторами пограничных провинций). По ст. 3 торговля России с Китаем отныне могла производиться «не только сухим путем... но и морем». Для русских кораблей открывались порты Шанхай, Нинбо, Фучжоу, Амой, Кантон, Тайвань (на Формозе), Сунчжоу (на Хайнане) и «другие открытые места для иностранной торговли». Впрочем, эти права имели небольшое практическое значение для России в связи со слабостью ее торгового флота на Тихом океане. Что же касается прав на сухопутную торговлю, то они были зафиксированы лишь в общей декларативной форме и не отвечали стремлениям русского купечества торговать во внутренних районах Китая. Это обстоятельство вызвало недовольство правящих кругов России, добившихся впоследствии (в 1860 году) подписания нового русско-китайского договора (Пекинского).

Согласно Тяньцзиньскому договору, Россия получила также право назначать своих консулов в открытые для нее порты, а для поддержания их власти и порядка «посылать военные суда» (ст. 5). В случае надобности (ремонт, пополнение запасов продовольствия и топлива) русские торговые и военные суда могли заходить и в не открытые для торговли порты (ст. 6). Русские подданные в Китае получали право консульской юрисдикции и экстерриториальности (ст. 7). Христианским миссионерам разрешалось беспрепятственно распространять христианство не только на территории открытых портов, но и внутри империи (ст. 8). Ограничения русской сухопутной торговли в отношении числа лиц, в ней участвующих, и количества ввозимых товаров отменялись (ст. 4).

Важное значение имела ст. 9, которая устанавливала, что не определенные еще части границ между Россией и Китаем должны быть без отлагательства исследованы и определены на месте соответствующими представителями сторон. Россия и Китай должны были подписать по этому вопросу специальное соглашение в дополнение к Тяньцзиньскому договору.

Ст. 11 учреждала почтовое сообщение между Кяхтой и Пекином.

Обмен ратификационными грамотами русско-китайского Тяньцзиньского договора был произведен в Пекине 24 апреля 1859 года.

Рассказывая об Айгунском договоре, нельзя не сказать о замечательных людях первого ряда, внесших громадный вклад в это историческое событие.

Айгунский договор — это вершина дипломатического искусства генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева. Царь высоко оценил его продолжительную деятельность собственно в Восточной Сибири, но в первую очередь многотрудную деятельность по освоению и закреплению за Россией далекой и практически не освоенной окраины. Ему был дарован графский титул.

В этой связи напомним, что уже в 1849 году он первым из губернаторов совершил служебное путешествие в Аян, Охотск и на Камчатку, в ходе которого изучал вверенный ему край, формулировал выводы и предложения для царского правительства. Не уповав на мудрость далекого Петербурга, часто принимал самостоятельные решения с последующим докладом царю. Для защиты Тихоокеанского побережья и Камчатки от англо-французского вторжения в 1854 году организовал первый сплав войск по Амуру. Потом были проведены еще несколько сплавов. В 1851 году добился образования Забайкальского казачьего войска, а в 1860-м — Амурского. Так что казаки сразу же приступили к охране нового рубежа по Амуру

и Усури. Подписанию пограничного договора предшествовало и изучение края научными экспедициями.

Отмечая заслуги генерал-губернатора, в 1891 году в Хабаровске был установлен памятник Н. Н. Муравьеву, уничтоженный в 1925 году, но снова восстановленный в 1992-м. В этой связи напомним, что по четырем сторонам цоколя на бронзовых досках были выбиты имена многих сподвижников Н. Н. Муравьева-Амурского, участников великого Амурского дела, в том числе и супруги генерал-губернатора Е. Н. Муравьевой.

На доске с северной стороны начертаны имена тех, кто был при заключении Айгунского договора.

Широко известно, что в историю пионерного освоения Приамурского края определенный вклад внесли участники Амурской экспедиции во главе с контр-адмиралом Г. И. Невельским. На доске с западной стороны начертаны их имена, в том числе и супруги начальника экспедиции Е. И. Невельской.

Контр-адмирал П. В. Казакевич еще с 1849 года, когда с Г. И. Невельским прибыл в устье Амура, выполнил ряд важных заданий в интересах решения Амурского вопроса. В 1856 году был назначен первым военным губернатором Приморской области с центром в Николаевске-на-Амуре. Это он встречал Н. Н. Муравьева в конце мая 1858 года в устье Усури. В его честь Муравьев назвал строящуюся там станицу Казакевичевой.

Генерал-майор М. С. Корсаков тоже был удостоен высоких наград в связи с заключением Айгунского договора. Как офицер по особым поручениям при Муравьеве с 1848 года и организатор экспедиций по Амуру, он внес большой вклад в дело освоения Приамурья. С 1862 года — генерал-губернатор Восточной Сибири.

До сегодняшнего дня существуют села (бывшие станицы) Казакевичево, Корсаково, Невельское как памятники не только этим офицерам, но и сотням казаков и иных русских людей, потом и кровью закрепивших этот край за Россией.

Достойны всяческого упоминания и сподвижники Н. Н. Муравьева — иерархи Русской православной церкви на далекой окраине. Это архиепископ Иннокентий (Вениаминов), урожденный сибиряк. Он был не только миссионером, но и просветителем, и ученым. Иннокентий всемерно помогал деятельности Н. Н. Муравьева, направленной на заселение и обустройство громадных пространств Восточной Сибири и Дальнего Востока. Он был в составе русской делегации на переговорах при подписании Айгунского договора. Такую же работу проводил и протоиерей Александр Сизых.

После подписания Айгунского договора в Усть-Зейском посту состоялись большие торжества, соответствующие историческому событию, с использованием церковного и светского ритуалов. Преосвященный Иннокентий открыл крестный ход к походной Николаевской церкви при участии всего тогдашнего населения станицы с духовой музыкой, привезенной Муравьевым из Иркутска, и импровизированными певчими, и здесь, в храме, приобретатель Амура и апостол Восточной Сибири, граф и святитель, преклонив колена, воздали Господу Богу благодарение за возвращение в достояние Российской державы Амурского края, а в знак сего в двух саженях от храма, на южной стороне его, воздвигнуто было государственное знамя, показывавшее, что отныне и навсегда страна Амурская принадлежит владычеству русскому.

После службы Иннокентий обратился к Муравьеву с речью: «Наконец Господь помог тебе совершить одно из вековых дел. Благословен Господь Бог, устроивший это дело так вождельно, мирно, дружелюбно и без посредства оружия... Не время и не место исчислять все твои заботы, усилия, труды, борения... Их вполне может оценить только будущее население края и история».

После благодарственного молебна генерал-майор Муравьев отдал по Забайкальскому казачьему войску и военным управлениям по Амурской линии следующий приказ: «Товарищи! Поздравляю вас, не тщетно трудились мы, — Амур сделался достоянием России, святая церковь молится за нас, Россия благодарит. Да здравствует император Александр и процветает под кровом его вновь приобретенная страна, — ура!»

Приказ был прочитан перед казаками Благовещенска и сотнями Забайкальского казачьего войска. Праздник носил большой эмоциональный заряд и имел громадное воспитательное значение.

Здесь же отметим, что Благовещенск — один из старейших городов Дальнего Востока России — занимает особое место в истории освоения Приамурья. За два года Усть-Зейский военный пост превратился в город и административный центр вновь созданной Амурской области.

Справедливости ради, особо подчеркнем, что многие исследователи незаслуженно забывают о большом вкладе в возвращение России Приамурья и Приморья еще двух правительственных экспедиций. Если о дипломатической экспедиции адмирала Е. В. Путятина кратко сказано выше в связи с заключением Тяньцзиньского договора, то сведения о беспримерном вкладе Забайкальской секретной экспедиции подполковника Н. Х. Агте стали доступными лишь недавно.

Кратко итоги Забайкальской экспедиции таковы: она продолжалась три года — с 1849-го по 1852 год. Было обследовано около трех миллионов квадратных километров, и большая часть этой территории фактически открыта заново; протяженность маршрутов участников экспедиции превышает двадцать тысяч километров; определены координаты семидесяти пяти пунктов и составлены наиболее точные для того времени карты обследованной территории: Байкала, Даурии, Станового хребта и Буреинских гор; собраны обширные сведения о растительности, животном мире, климате, полезных ископаемых Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Главным же итогом экспедиции были сведения, позволившие включить в состав России Восточное Приамурье и давшие возможность Н. Н. Муравьеву провести переброску войск по Амуру во время Крымской (Восточной) войны в 1854 году, что способствовало успешной обороне устья Амура, Приморья, Петропавловска-Камчатского.

Оценивая в целом Забайкальскую экспедицию Н. Х. Агте, подчеркнем главное.

1. Это убедительный пример верной оценки императором России Николаем I геополитической обстановки и принятия упреждающего решения по парированию возникшей угрозы российским владениям на тихоокеанском побережье Азии и Америки.

2. Забайкальская экспедиция сыграла важную роль в процессе становления современной российско-китайской границы. Масштаб ее деятельности и полученные результаты по ряду параметров превышают значение полученных экспедицией Г. И. Невельского. Она фактически разрешила пограничный вопрос, который встал перед Петербургом в конце сороковых годов XIX века. Члены экспедиции доказали, что груды камней, найденные А. Ф. Миддендорфом на Становом хребте и принятые им за цинские пограничные знаки, таковыми не являлись, что Становой хребет не упирается в Охотское море и не может служить в качестве пограничного. Это привело к тому, что Петербург отказался от идеи проведения границы с Цинской империей по Становому хребту. Это положение довольно сложно соотнести с положением Нерчинского договора и с географией Приамурья, поэтому лучше заменить этот договор новым, так как на Нижнем Амуре проживали независимые от Цинов племена.

Забайкальская экспедиция обнаружила ряд нарушений Нерчинского и Кяхтинского договоров цинской стороной, что давало России повод к односторонним

действиям и к пересмотру прежних договоров. Результаты экспедиции побудили руководство Российской империи пойти на ревизию русско-цинской границы на Дальнем Востоке и установление в 1853 году новой границы в Приамурье и присоединение Нижнего Амура.

Эти итоги вместе с другими факторами позволили Петербургу инициировать переговорный процесс с Пекином с использованием новейших научных сведений о регионе. Это привело, в конечном итоге, к заключению Айгунского (1858), Тяньцзиньского (1858) и Пекинского (1860) договоров, оформивших современную границу между Россией и Китаем на основе широко распространенной тогда теории «естественной границы» (по пограничным рекам), предложенной Н. Х. Агте и другими участниками Забайкальской экспедиции.

З. Н. Н. Муравьев, став координатором работы двух экспедиций, синхронизировал комплексное исследование обширного района от побережья Тихого океана до реки Шилки. Этим шагом он невольно отстранил чиновников из Петербурга от излишнего контроля за работой Н. Х. Агте и Г. И. Невельского, ведущего к замедлению темпов их работы. В итоге исследовательские работы экспедиций были завершены до начала Восточной (Крымской) войны.

Так началось окончательное утверждение России в Приамурье. Забайкальская экспедиция стала крупным шагом в восстановлении суверенных прав России на Дальнем Востоке.

Успешное начало переговоров по Айгунскому договору ускорило основание военного поста Хабаровки. Не дожидаясь официального окончания переговоров, Н. Н. Муравьев отправил отряд солдат 13-го линейного батальона для закладки военного поста в заранее выбранном месте. Капитан Я. Дьяченко с этой задачей справился успешно. Поэтому всего лишь три дня разделяют даты подписания Айгунского договора и официальной закладки Хабаровки. Это можно считать и первым вкладом капитана Дьяченко в практическую реализацию пограничного договора. А далее в рамках договора первостроитель Хабаровки проявил и другие высокие качества русского офицера.

Около шести лет Я. В. Дьяченко проходил службу на Хабаровском направлении, где складывающаяся обстановка потребовала от него проявления разносторонних качеств. Успешная деятельность командира батальона на Амуре была замечена генерал-губернатором Восточной Сибири, после чего последовали новые обязанности. После установления госграницы и с учетом особенностей обстановки в районе Хабаровки возникла настоятельная необходимость в организации управления процессом заселения нашей территории. Шестого октября 1858 года Н. Н. Муравьев поручил Я. Дьяченко «главное заведование вновь поселившимися Уссурийского батальона Амурского Казачьего войска и заведование туземцами, живущими до Горина вниз по р. Амуру». Все поселенцы по левому берегу Амура и проживающие в этих местах местные жители были в его ведении. Дело в том, что численность туземцев возросла: на русскую сторону Амура потянулись гольды (ныне — нанайцы), проживавшие ранее по реке Сунгари и пострадавшие от притеснения маньчжуров. Поскольку переселение стало массовым, то маньчжурские власти установили военные посты по реке Сунгари для задержания гольдов, но некоторая часть из них все же прорвалась в русские пределы.

Известно также, что на следующий год сфера деятельности Я. Дьяченко опять расширилась. Восемнадцатого сентября 1859 года он получил от генерал-губернатора новое поручение «заведовать устройством вновь вольно переселившихся из внутренних губерний России казенных крестьян...», что и исполнял до прибытия назначенного исправника, то есть до восемнадцатого сентября 1860 года. Перед

этим за отличия по службе Я. В. Дьяченко был произведен в майоры. Очевидно, в этой связи в октябре 1859 года Дьяченко передал свои полномочия по управлению Хабаровкой полицейскому исправнику, а дела военные — начальнику поставой команды.

В целом майор Дьяченко внес весомый вклад в организацию охраны и защиты госграницы не только на Хабаровском направлении, но и на участке границы от станицы Казакевичевой до реки Тумень-ула. Я. В. Дьяченко командовал своим линейным батальоном до 1863 года. За пять лет батальон построил Хабаровку и несколько десятков селений, затем был переведен в пост Камень-Рыболов на озере Ханка. А командир батальона получил новое назначение. Он принял Уссурийский казачий пеший батальон, штаб которого находился в станице Казакевичевой. Около двух лет Я. В. Дьяченко непосредственно отвечал не только за охрану границы по Уссуре, но и продолжал ее обустройство. Для несения пограничной службы и поддержания сухопутной связи с южными районами Приморья в середине 1863 года он получает сто лошадей.

Позже он был назначен начальником Новгородского военного поста в Посъете, что в Приморье, но это уже другая страница истории.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что во второй половине XIX века, согласно ст. 1 Айгунского договора, был определен участок границы России с Цинской империей по Амуру — от слияния Аргуни и Шилки до реки Уссури. После заключения этого договора освоение русскими людьми Приамурья продолжалось в неослабевающем темпе. Если в 1857 году на Амуре от Игнашина до Пашково возникло пятнадцать станиц, то летом 1858-го на Амуре и Уссуре появилось тридцать пять селений (шесть — выше Благовещенска, четыре — на Уссуре и двадцать пять — между Благовещенском и Хабаровкой).

Для Приамурья последняя неделя мая богата событиями пограничной тематики. Истории так угодно было распорядиться, что ежегодно в конце мая отмечаются две символические даты. В этом году хабаровчане будут праздновать шестидесятилетие Хабаровска и Айгунского договора, а также столетие образования Пограничной охраны России.

Вот такая прямая и непосредственная цепочка причинных связей выстраивается при упоминании Айгунского договора, многие положения которого и сегодня актуальны.

И, наконец, последнее. В связи с завершением демаркации границы между Россией и Китаем в протоке Амурская (Казакевичевская) вблизи Хабаровска исчез с карты последний участок границы, установленный Айгунским договором между двумя империями.

